

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI: 10.18287/2542-047X-2019-5-1-7-12
УДК 343.1

Дата поступления статьи: 6/XII/2018
Дата принятия статьи: 22/XII/2018

А. А. Тарасов

О ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОМ ЗНАЧЕНИИ ПРОТОКОЛА ЗАДЕРЖАНИЯ

© **Тарасов Александр Алексеевич** (aatar@mail.ru), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса, **Институт права Башкирского государственного университета**, 450005, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

Тема докторской диссертации: «Правовые и социально-психологические проблемы сочетания единоличных и коллегиальных начал в уголовном процессе Российской Федерации». Автор более 200 научных работ, в том числе учебников, монографий и учебных пособий: «Уголовно-процессуальное право Российской Федерации» (2014), «Эксперт и специалист в уголовном процессе» (2017). Ряд научных трудов написан в соавторстве: «Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный)» (2013), «Уголовное судопроизводство: теория и практика» (2014), «Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики» (2015), «Криптографические методы защиты информации» (2015), «Суд присяжных и проблемы народного участия в правосудии» (2015), «Проблемы современного отечественного уголовного процесса, судебной и прокурорской деятельности» (2016), «Риторика для юристов» (2017).

Область научных интересов: уголовный процесс, криминалистика, социальная психология.

АННОТАЦИЯ

Новизна статьи обусловлена нестандартным ракурсом анализа проблемы определения процессуальной сущности задержания подозреваемого и возможности либо невозможности отнести его к числу следственных действий по собиранию доказательств. Автор предлагает абстрагироваться от спора по вопросу о возможности считать задержание следственным действием и оценить доказательственное значение протокола задержания подозреваемого как результата этого процессуального действия. В этом контексте интерес представляют особенности использования этого протокола в описательно-мотивировочных частях итоговых процессуальных решений предварительного расследования и судебных приговоров.

Целью такого анализа является получение дополнительных аргументов в пользу тезиса о том, что в большинстве случаев задержания подозреваемого получают такие сведения о юридически значимых обстоятельствах уголовного дела, которые не могут быть получены при производстве никаких других процессуальных действий. Фиксироваться эти сведения должны в протоколе задержания.

Задачей ставилось выявление реального значения протокола задержания для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, а также анализ требований действующего закона к содержанию протокола задержания на предмет обеспечения его информационной насыщенности, выявления резервов нормативного регулирования и практики составления протоколов задержания для обеспечения той роли в доказывании, которую он мог бы играть.

В статье использованы методы системного анализа и синтеза, сравнительно-правовой и исторической методы.

В результате исследования показано, что задержание подозреваемого благодаря предусмотренной именно для него форме фиксации его хода и результатов – протоколу задержания – выступает уникальным способом закрепления в материалах уголовного дела тех сведений, которые не могут быть получены никакими иными процессуальными средствами.

В заключение предложены меры по совершенствованию практики задержания подозреваемого и составления его протокола.

Ключевые слова: уголовный процесс, меры процессуального принуждения, задержание подозреваемого, протокол задержания подозреваемого, доказательства, доказывание, следственные действия.

Цитирование. Тарасов А. А. О доказательственном значении протокола задержания // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 1. С. 7–12. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-1-7-12>.

A. A. Tarasov

ON THE EVIDENTIARY VALUE OF THE DETENTION PROTOCOL

© Tarasov Alexander Alekseevich (aatar@mail.ru), Doctor of Law, professor, head of the Department of the Criminal Law and Procedure, **Bashkir State University**, 32, Validy Street, Ufa, 450076, Russian Federation.

Subject of Doctoral thesis: «Legal and socio-psychological problems of combining sole and collegial principles in the criminal process of the Russian Federation». Author of more than 200 scientific works, including textbooks and monographs: «Criminal procedure law of the Russian Federation» (2014), «An expert and specialist in the criminal process in Russia» (2017). A number of scientific papers written in collaboration: «Comment at the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article-by-article)» (2013), «Criminal proceedings: theory and practice» (2014), «Criminal procedure law. Actual problems of theory and practice» (2015), «Cryptographic methods of information security» (2015), «Jury and the problem of popular participation in justice» (2015), «Problems of modern domestic criminal procedure, judicial and prosecutorial activities» (2016), «Rhetoric for lawyers» (2017).

Research interests: criminal procedure, criminalistics, social psychology.

ABSTRACT

The novelty of the article is due to the non-standard perspective of the analysis of the problem of determining the procedural nature of the detention of a suspect and the possibility or impossibility of referring him to the number of investigative actions to collect evidence. The author proposes to abstract from the dispute on the possibility of considering detention as an investigative action and assess the evidentiary value of the Protocol of detention of the suspect as a result of this procedural action. In this context, the features of the use of this Protocol in the descriptive and motivational parts of the final procedural decisions of the preliminary investigation and court sentences are of interest.

The purpose of this analysis is to obtain additional arguments in favor of the thesis that in most cases the detention of a suspect is obtained such information about the legally significant circumstances of the criminal case, which can not be obtained in the production of any other procedural actions. These data shall be recorded in the Protocol of detention.

The task was to identify the real value of the detention Protocol to establish the circumstances to be proved in a criminal case, to analyze the requirements of the current law to the content of the detention Protocol in order to ensure its information saturation, to identify the reserves of normative regulation and practice of drawing up detention protocols to ensure the role in proving that it could play.

The article uses the methods of system analysis and synthesis, comparative legal and historical methods.

The study shows that detention of a suspect due to the forms of fixing its progress and results – Protocol of detention – is a unique method of fastening the materials of the criminal case information that cannot be obtained by any other procedural means.

In conclusion, measures are proposed to improve the practice of detaining a suspect and drawing up his report.

Key words: criminal procedure, measures of procedural coercion, detention of a suspect, protocol of detention of a suspect, evidence, proof, investigative actions.

Citation. Tarasov A. A. *O dokazatel'stvennom znachenii protokola zaderzhaniya* [On the evidentiary value of the detention protocol]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, Vol. 5, no. 1, pp. 7–12. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-1-7-12> [in Russian].

Дискуссии по поводу процессуальной природы задержания подозреваемого продолжают не одно десятилетие. За это время неоднократно менялся уголовно-процессуальный закон – сначала в рамках УПК РСФСР 1960 года, затем был принят УПК РФ 2001 года, который к настоящему времени также менялся много раз с разной степенью радикальности изменений. Представляется, что дискуссия о задержании подозреваемого, какого бы вопроса она ни касалась, относится к числу вечных, поскольку сиюминутное и кратковременное лишение человека свободы с помещением его под стражу – это, с одной стороны, объективно необходимое действие

правоохранительных органов любого государства, призванного защищать своих граждан от преступлений, а с другой – действие, чреватое поспешностью, ошибками и злоупотреблениями в силу все той же объективной необходимости, сиюминутности и кратковременности.

Противоречивая правовая природа этого процессуального действия и решения в совокупности с сопровождающими его непроцессуальными действиями сама по себе должна порождать дискуссии, не имеющие, на наш взгляд, перспективы быть окончательно разрешенными. Смысл этих дискуссий – в них самих: сбалансированная нормативно-правовая регламентация задержания

и практика его производства могут формироваться только в условиях постоянного оспаривания тех или иных аспектов того и другого.

Именно на таком видении этой дискуссии была основана наша статья «С. А. Шейфер о познавательной сущности задержания подозреваемого» [1], реакцией на которую стала статья профессора С. Б. Россинского «Дискуссия о сущности и правовой природе задержания подозреваемого продолжается» [2]. В обеих статьях выражено несогласие с противоположной авторской позицией по вопросу о том, является ли задержание подозреваемого следственным действием, то есть процессуальным действием по собиранию доказательств.

Статья С. Б. Россинского отличается информационной насыщенностью, хорошей библиографической базой, в ней сформулированы аргументы, с которыми трудно не согласиться. Нелепо оспаривать, например, авторское утверждение о том, что задержание подозреваемого имеет многоуровневую, многогранную природу и выступает в нескольких, а точнее, в четырех ипостасях: как мера процессуального принуждения, как процессуальная комбинация, как тактическая операция и как совокупность режимных мероприятий, связанных с помещением в изолятор временного содержания и нахождением под стражей [2, с. 138–140]. Здесь все правильно. Но ничто из сказанного не опровергает выдвинутого С. А. Шейфером и поддержанного нами тезиса о том, что задержание подозреваемого является процессуальным действием, в результате которого получается доказательство, именуемое протоколом задержания. В этом протоколе фиксируются такие сведения, имеющие значение для установления юридически значимых обстоятельств по уголовному делу, которые не получаются и не фиксируются в результате ни одного другого процессуального действия. В случае признания правильным этого тезиса, на наш взгляд, отпадет потребность настаивать на том, чтобы называть задержание «следственным действием» а его протокол – «протоколом следственного действия». Главное в данном случае – вовсе не название процессуального действия, а его существо: получается или не получается в его результате доказательственная информация.

С процессуальным существом задержания тоже не все столь однозначно, и детально проанализированные С. Б. Россинским особенности этого действия приводят его к выводу об отсутствии у задержания познавательного характера, присущего любому следственному действию. Нельзя не принять во внимание эти аргументы. Каждый из них в том или ином варианте многократно звучал в дискуссиях и ранее, а С. Б. Россинский – один из самых активных участников этих дискуссий.

Разрыв во времени между фактическим задержанием человека по подозрению его в совершении преступления, его доставлением в орган дознания или к следователю и процессуальным оформлением этого задержания протоколом, но главное – несовпадение субъектов, непосредственно вос-

принимавших обстоятельства задержания и фиксирующих факт такого восприятия в протоколе задержания, существенно отличают задержание от любого следственного действия и даже от любого иного процессуального действия, связанного с собиранием доказательств [3, с. 68–80]. Двух этих познавательных и процедурных особенностей, казалось бы, вполне достаточно, чтобы снять вопрос о процессуальной природе задержания навсегда: следственным действием, то есть процессуальным действием, специально нацеленным на получение нового процессуального доказательства, оно не является. Именно так и поступает С. Б. Россинский в названной выше статье, полагая, что продолжать обозначенную дискуссию имеет смысл лишь тогда, когда она «перейдет на новый виток своего развития, в том числе впитает наши идеи о многогранной природе этого правового феномена» [2, с. 142]. Оспаривать факт многогранности правовой природы задержания подозреваемого нелепо, да никто никогда и не собирался этого делать. Разумеется, это многогранный процессуальный феномен, который при этом отнюдь не уникален в таком своем качестве. В силу полисистемности уголовного процесса многие его институты одновременно существуют в разных ипостасях.

Выберем почти наугад такое, например, процессуальное действие, как производство обыска. Помимо очевидной принадлежности его к числу следственных действий невербального характера обыск одновременно с этим будет еще и мерой обеспечения гражданского иска, и мерой процессуального принуждения, хотя ни во втором, ни в третьем качестве обыск в законе никак не обозначен. И обыск в этом ряду – явно не единственное процессуальное действие, существующее «в разных ипостасях».

Вопрос о круге следственных действий, то есть о возможности отнести к их числу тот или иной способ собирания сведений о преступлении или какое-либо действие, предусмотренное уголовно-процессуальным законом, в литературе был спорным всегда. С. Б. Россинский последовательно не включал в их число не только задержание подозреваемого [4, с. 268], но и назначение и производство экспертизы [4, с. 278]. С. А. Шейфер столь же последовательно считал следственными действиями и задержание подозреваемого [5, с. 26–27; 5, с. 47], и назначение и проведение экспертизы [5, с. 23; 6, с. 46]. При этом оба автора были едины как в оспаривании правомерности отнесения законодателем к числу следственных действий контроля и записи переговоров (ст. 186 действующего УПК РФ) [6, с. 128–129; 4, с. 278], так и в определении главного препятствия к такому законодательному решению: следователь получает сведения, имеющие значение для дела не сам, а от других лиц. Нет сомнений в том, что оба автора хорошо понимали и предмет спора, и аргументы друг друга, но при этом оставались на собственных противоположных позициях относительно задержания подозреваемого и его протокола.

Не имея доводов для перевода данной дискуссии «на новый виток своего развития», как предлагает С. Б. Россинский, а также принимая во внимание все его аргументы против отнесения задержания подозреваемого к числу следственных действий, считаем полезным подойти к этой дискуссии несколько с другой стороны: оценить доказательственное значение протокола задержания, безотносительно к тому, считать ли следственным действием само задержание. Ответим для этого на два связанных между собой вопроса: 1) Для установления каких юридически значимых обстоятельств могут быть использованы сведения, полученные при задержании? и 2) Какие именно сведения фиксируются (а точнее, должны фиксироваться) в протоколе задержания подозреваемого? Уточнение в постановке второго вопроса обусловлено особенностями сложившейся за годы действия УПК РФ 2001 года практикой составления протоколов задержания, о которой далее будет сказано несколько подробнее.

В протоколе задержания при любом его качестве фиксируется момент фактического задержания, то есть сам факт захвата конкретного человека в конкретном месте в конкретное время. Этот факт отражается во всех изученных нами итоговых процессуальных решениях как досудебного, так и судебного производства. Если следователь или суд утверждают, что обвиняемый или подсудимый были задержаны в конкретный момент времени в конкретном месте при определенных обстоятельствах, значит, в деле имеются доказательства этого. Понятно, что в ходе расследования сведения о факте задержания подозреваемого могут быть получены из разных источников, однако, как бы кто ни относился к процессуальной природе самого задержания, факт такового первоначально фиксируется именно в его протоколе. Другого документа для этого в настоящий момент не существует.

Факт ограничения свободы конкретного человека в конкретный момент порождает известные и весьма значимые юридические последствия: 1) возникновение права на вступление в уголовное дело защитника; 2) начало отсчета сроков лишения свободы и для связанных с ним мер пресечения и наказания; 3) возникновение обязанности следователя или дознавателя обеспечить участие переводчика, если в этом есть необходимость. Ни в каком другом процессуальном документе момент фактического задержания не фиксируется, значит, именно протокол задержания является его единственным доказательством. В противном случае вывод суда о задержании этого лица, отражаемый в приговоре, надо было бы считать голословным.

Утверждение С. Б. Россинского о том, что протокол задержания не используется на практике в качестве доказательства, настойчиво повторяемое им в разных публикациях [7, с. 39; 8, с. 25], в связи со сказанным видится излишне категоричным. Повторимся: факт задержания не фиксируется больше ни в каком другом документе, но юридические

последствия порождает и в главных процессуальных решениях отражается.

Столь же легко и категорично С. Б. Россинский решает вопрос о том, почему документ, которым оформляется задержание подозреваемого, то есть решение о применении меры процессуального принуждения, называется протоколом. Протоколом во всех других случаях традиционно называют документ, фиксирующий определенный фрагмент объективной действительности, в данном случае – фактическое задержание. С. Б. Россинский полагает, что это – анахронизм, наследие ст. 119 УПК РСФСР 1960 года, относившей задержание подозреваемого к числу неотложных следственных действий, и что правильнее было бы называть этот документ постановлением [2, с. 138]. Однако постановление о задержании, хотя и как бы мимоходом, упоминается в действующем уголовно-процессуальном законе – в п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ сказано о том, что следователь вправе требовать от органа дознания оказания содействия в исполнении постановления о задержании. Из контекста этой статьи очевидно, что постановление о задержании – это совершенно иной документ, составление которого предшествует задержанию уже известного лица, которое должно быть впоследствии оформлено протоколом по правилам главы 12 УПК РФ. Очевидно, что предметом нашего обсуждения является вовсе не постановление о задержании.

Не оспаривая по существу ни одного из аргументов С. Б. Россинского, отдавая должное фундаментальности исследования, положенного в основу его идеи об отсутствии у процессуального задержания познавательной сущности, осмелимся все же настаивать на том, что протокол задержания сам по себе представляет доказательственную ценность для суда, рассматривающего уголовное дело по существу. Важно ведь не просто захватить человека на месте, ограничить его в возможности передвигаться и поступать по собственному усмотрению. Важно сделать это так, чтобы впоследствии законность и обоснованность задержания не вызывали сомнений ни у прокурора, осуществляющего надзор за законностью расследования, ни у суда, ни у любого здравомыслящего и разумного человека, допущенного к ознакомлению с материалами этого дела. Апелляция к здравому смыслу в юридических документах – это давний методологический подход [9, с. 64], обеспечивающий доступность всей системы правосудия для понимания не только профессионалами, но и любыми заинтересованными лицами и обществом.

Такую роль может сыграть не любой протокол задержания, а только тот, в котором достаточно полно и точно отражены сведения о месте, времени и основаниях задержания. К сожалению, большинство современных протоколов задержания не таковы, и УПК РФ 2001 года сыграл определенную роль в выхолащивании доказательственной ценности этого документа. Посвящая задержанию специальную главу 12 в разделе IV «Меры процессуального принуждения», законодатель

практически дословно, за отдельными весьма примечательными исключениями [10, с. 80], воспроизводит большинство правил ст. 122 УПК РСФСР 1960 года. До 5 июня 2007 года обязательную силу для правоприменителей имело еще и приложение № 12 – бланк протокола задержания подозреваемого, в пункте 12 которого предлагалась специальная строка для указания оснований задержания с безобидным на первый взгляд подстрочным пояснением: основания задержания, предусмотренные ст. 91 УПК РФ. В реальной практике этот бланк протокола приобрел очень удобный для оформления вид: все основания задержания, предусмотренные в ст. 91 УПК РФ, были приведены в пронумерованном перечне, из которого правоприменителю надо было выбрать нужный пункт и подчеркнуть его либо отметить каким-то другим понятным знаком. Все правильно, удобно и закону формально соответствует. Одна проблема: в этом бланке, который применяется до сих пор, даже после утраты юридической силы законоположений о бланках процессуальных документов, нет места для указаний, какие именно лица указали на задержанного как на человека, совершившего преступление, какие именно явные следы преступления были на нем или при нем обнаружены и т. д. Такой протокол задержания, из которого часто невозможно понять, были ли на самом деле эти лица, или следы, или предметы, и впрямь не имеет никакой или почти никакой доказательственной ценности. «Почти», потому что момент фактического захвата подозреваемого фиксируется в протоколе в любом случае, и лица, осуществившие этот захват, должны быть названы в протоколе поименно и подписать его (в бланке на это было однозначное указание). Презюмируется, что все эти лица впоследствии могут быть допрошены об обстоятельствах задержания, предметы, если они также указаны в протоколе, осмотрены и исследованы экспертным путем, приобщены к уголовному делу в качестве вещественных доказательств. Однако заметим, что ни на очевидцев, ни на потерпевшего это правило формально не распространяется – они к числу «лиц, участвующих в задержании» не относятся. Современные протоколы задержания ограничены для использования в доказывании юридически значимых обстоятельств уголовного дела не в силу ущербности задержания как процессуального действия, а в силу того, что они малоинформативны, а то и вовсе не информативны. Едва ли это правильно.

Принимая аргументы С. Б. Россинского и других авторов по поводу восприятия невербальной, то есть наиболее ценной для фактического задержания, информации не тем, кто составляет протокол, а кем-то другим, что очевидно снижает доказательственную ценность протокола задержания, полагаем, что этот первичный протокол с фиксацией всего установленного при задержании должны составлять те должностные лица, которые осуществляют фактическое задержание. Этот протокол достаточно прост по форме и требует лишь

внимательности и ответственности от составителя. Процессуальное задержание в случаях, не терпящих отлагательства, должно быть допущено законом до возбуждения уголовного дела, что предлагалось в литературе многократно, тем более что фактическое задержание, как правило, предшествует возбуждению уголовного дела.

Суммируя сказанное, полагаем, что, даже если не считать задержание подозреваемого следственным действием, оно продолжает оставаться процессуальным действием, в результате которого собирается как минимум одно доказательство – протокол задержания, который, даже не будучи протоколом следственного действия, обладает всеми признаками «иног документа», фиксирующего имеющие значение для уголовного дела фактические сведения. Предложение С. Б. Россинского полностью вывести задержание и доставку подозреваемого за рамки уголовно-процессуального регулирования ввиду отсутствия у этих действий уголовно-процессуальной формы и существования их вне уголовно-процессуальных правоотношений [3, с. 73; 8, с. 70] тоже видится излишне категоричным. Любое приближение этих полицейских действий (каковых вокруг уголовного судопроизводства и сейчас существует немало) к процессуальной форме, а значит, и к мерам процессуального контроля – это правовой способ ограничить опасность произвольного применения власти в условиях, когда этой властью удобнее всего злоупотреблять. Авторский опыт работы в качестве советника Уполномоченного по правам человека в Самарской области (2007–2014 годы) дает основания утверждать, что и в существующей сейчас практике задержания якобы за совершение административных правонарушений, под которые камуфлируются фактические задержания в связи с совершенными или готовящимися преступлениями, – это довольно распространенное злоупотребление со стороны полицейских служб. Целями таких задержаний бывают и внепроцессуальное продление срока содержания под стражей, когда легальные возможности для этого исчерпаны или утрачены, и проведение проверочных действий по сообщению о преступлении без обременения себя уголовно-процессуальными процедурными условностями, и банальное запугивание фактических подозреваемых с демонстрацией им безграничных возможностей полиции для работы с теми, кто не признается в совершении преступлений добровольно. Едва ли стоит создавать еще и дополнительные процедурные условия для подобных злоупотреблений.

Библиографический список

1. Тарасов А. А. С. А. Шейфер о познавательной сущности задержания подозреваемого // Юридический вестник Самарского университета. 2017. № 4. С. 63–67. URL: <http://journals.ssau.ru/index.php/jjsu/article/view/60+43>.
2. Россинский С. Б. Дискуссия о сущности и правовой природе задержания подозреваемого

продолжается // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6. С. 134–146. DOI: 10.17803/1994-1471.2018.91.6.134-145.

3. Россинский С. Б. Размышления о правовой природе фактического задержания и доставления подозреваемого // Lex Russica. 2018. № 8 (141). С. 68–80. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.141.8.068-080.

4. Россинский С. Б. Уголовный процесс России: курс лекций. М.: ЭКСМО, 2007. 576 с. URL: <https://lektsii.org/3-131512.html>.

5. Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юрид. лит., 1981. 128 с. URL: <http://bookfi.net/book/739872>.

6. Шейфер С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. 228 с. URL: <http://window.edu.ru/resource/907/46907/files/ssu34.pdf>.

7. Россинский С. Б. Следственные действия: монография. М.: Норма, 2018. 240 с. URL: <http://www.iauj.net/node/2304>.

8. Россинский С. Б. Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход: монография. М.: Проспект, 2019. 192 с. DOI: 10.31085/9785392288205-2019-192.

9. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1 / общ. ред., послесл., прим. А. В. Смирнова. СПб.: Альфа, 1996. 552 с. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/289>.

10. Тарасов А. А. О процессуальной природе задержания подозреваемого // Актуальные проблемы права и государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина: материалы Междунар. научно-практич. конф., посвящ. 69-й годовщине со дня принятия Всеобщей декларации прав человека; г. Уфа, 14–15 декабря 2017 года: в 5 ч. Ч. I / под общ. ред. А. С. Ханахмедова. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2018. С. 79–83. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32682330>.

11. Приложения к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 29.05.2002). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Tarasov A. A. S. A. Sheifer o poznavatel'noi sushchnosti zaderzhaniya podozrevaemogo [S. A. Sheifer about the cognitive essence of the detention of the suspected]. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical journal of Samara University], 2017, no. 4, pp. 63–67. Available at: <http://journals.ssau.ru/index.php/jjsu/article/view/6043> [in Russian].

2. Rossinsky S. B. *Diskussiya o sushchnosti i pravovoi prirode zaderzhaniya podozrevaemogo prodolzhaetsya* [Discussion about the Essence and Legal Nature of the Suspect's Detention Continues]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law],

2018, no. 6, pp. 134–146. DOI: 10.17803/1994-1471.2018.91.6.134-145 [in Russian].

3. Rossinsky S. B. *Razmyshleniya o pravovoi prirode fakticheskogo zaderzhaniya i dostavleniya podozrevaemogo* [Reflections on the legal nature of suspect detention and bringing him to an investigation agency]. *Lex Russica*, 2018, no. 8 (141), pp. 68–80. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.141.8.068-080 [in Russian].

4. Rossinsky S. B. *Ugolovnyi protsess Rossii: kurs lektsii* [Criminal procedure of Russia: a course of lectures]. М.: EKSMO, 2007, 576 p. Available at: <https://lektsii.org/3-131512.html> [in Russian].

5. Schafer S. A. *Sledstvennyye deistviya. Sistema i protsessual'naya forma* [Investigative activities. System and procedural form]. М.: Yurid. lit., 1981, 128 p. Available at: <http://bookfi.net/book/739872> [in Russian].

6. Schafer S. A. *Sledstvennyye deistviya. Osnovaniya, protsessual'nyi poryadok i dokazatel'stvennoe znachenie* [Investigative activities. Grounds, procedural order and evidentiary value]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2004, 228 p. Available at: <http://window.edu.ru/resource/907/46907/files/ssu34.pdf> [in Russian].

7. Rossinsky S. B. *Sledstvennyye deistviya: monografiya* [Investigative actions: monograph]. М.: Norma, 2018, 240 p. Available at: <http://www.iauj.net/node/2304> [in Russian].

8. Rossinsky S. B. *Zaderzhanie podozrevaemogo: konstitutsionno-mezhotraslevoi podkhod: monografiya* [Detention of the suspect: constitutional-inter-branch approach: monograph]. М.: Prospect, 2019, 192 p. DOI: 10.31085/9785392288205-2019-192 [in Russian].

9. Foinitskii I. Ya. *Kurs ugolovnogogo sudoproizvodstva. T. 1. ; Obshch. red., poslesl., prim. A. V. Smirnova* [Course of criminal proceedings. Vol. 1; General editorship, afterword, notes: A. V. Smirnov]. SPb.: Al'fa, 1996, 552 p. Available at: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/289> [in Russian].

10. Tarasov A. A. *O protsessual'noi prirode zaderzhaniya podozrevaemogo* [On the procedural nature of the detention of the suspect]. In: *Aktual'nye problemy prava i gosudarstva i obshchestva v oblasti obespecheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 69-i godovshchine so dnya prinyatiya Vseobshchei deklaratsii prav cheloveka; g. Ufa, 14–15 dekabrya 2017 goda: v 5 ch. Ch. I. Pod obshch. red. A. S. Khanakhmedova* [Actual problems of law and state and society in ensuring the rights and freedoms of man and citizen: materials of the International research and practical conference, devoted to the 69th anniversary of the adoption of the Universal declaration of human rights; Ufa, 14–15 December 2017: in 5 parts. Part I. A. S. Khanakhmedov (Ed.)]. Ufa: Ufimskii YuI MVD Rossii, 2018, pp. 79–83. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32682330> [in Russian].

11. *Prilozheniya k Ugolovno-protsessualnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 29.05.2002)* [Annexes to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation № 174-FZ as of 18.12.2001 (last updated 29.05.2002)]. Access from legal reference system «ConsultantPlus» [in Russian].